

М.Ю. Лермонтов

ГЕРОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И
Д. ШМАРИНОВА

С. Д У Р Ы Л И Н

Л Е Р М О Н Т О В

И Е Г О

« Г Е Р О Й Н А Ш Е Г О В Р Е М Е Н И »

С о стихами Михаила Юрьевича Лермонтова Россия познакомилась впервые в 1837 году, в горестные дни, когда русский народ лишился своего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина: в эти дни в бесчисленных списках распространилось стихотворение «Смерть поэта». Имя автора, гвардейского офицера Лермонтова, было тогда еще никому не известно, но в своих стихах он с такой силой выразил скорбь об утрате великого поэта и с таким гневом обличил его гонителей и убийц («Свободы, Гения и Славы палачи!»), что народ увидел в молодом авторе, сосланном за свое стихотворение на Кавказ, прямого наследника Пушкина. Известный критик В. Стасов, который учился тогда в училище правоведения, вспоминал:

«Проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина» глубоко взволновало нас, и мы читали и декламировали его с беспредельным жаром... Мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной героическим воодушевлением... Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление».

В июне того же 1837 года в журнале «Современник», основанном Пушкиным, появилось стихотворение «Бородино». Впервые в нашей литературе был создан правдивый, верный действительности образ русского солдата. Стихи Лермонтова перешли в уста народа: «Бородино» донныне поется у нас и в мирное и в военное время.

Через два года после появления в печати стихотворения «Бородино» русский читатель прочел в журнале «Отечественные записки» повесть Лермонтова «Бэла. Из записок офицера о Кавказе».

Познакомившись с этим первым произведением Лермонтова в прозе, великий критик В. Г. Белинский сразу же отметил повесть молодого поэта. «Здесь, — писал он, — в первый еще раз является Лермонтов с прозаическим опытом — и этот опыт достоин его высокого поэтического дарования. Простота и безыскусственность этого рассказа — невыразимы, и каждое слово в нем так на своем месте, так богато значением».

Гоголь, прочтя первую повесть Лермонтова, тогда же сказал С. Т. Аксакову: «Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца».

Вскоре в журнале «Отечественные записки» были напечатаны еще две повести Лермонтова — «Фаталист» и «Тамань».

В 1840 году все эти повести с добавлением двух новых («Княжна Мери» и «Максим Максимыч») были изданы под названием «Герой нашего времени». Книга состояла из двух частей. В первую часть вошли «Бэла», «Максим Максимыч» и «Тамань»,

во вторую — «Княжна Мери» и «Фаталист». Три последние повести автор объединил под общим названием «Журнал Печорина» и предпослал им предисловие от «офицера», издателя этого «журнала».

Ко второму изданию Лермонтов прибавил предисловие от себя как от автора всего произведения.

*

Главное действующее лицо романа «Герой нашего времени» — Печорин, молодой гвардейский офицер, переведенный на службу из Петербурга на Кавказ, в один из армейских полков.

В повести «Бэла» мы узнаем о Печорине и его жизни в маленькой крепости в Чечне из рассказа кавказского офицера Максима Максимыча. Максим Максимыч — старый боевой офицер, он немало видел на свете. Человек редкой доброты и душевного благородства, он любил Печорина, присланного в крепость под его начальство. В простодушном рассказе старика о столичном офицере чувствуется и отеческое внимание к нему и уважение к его храбрости. Много в Печорине непонятно Максиму Максимычу: непонятна тоска Печорина, скука, гнетущая его. Ясно старику лишь одно: Печорин человек умный, образованный, храбрый, сильный волей, но глубоко неудовлетворенный жизнью.

В небольшой повести «Максим Максимыч» мы присутствуем при позднейшей встрече Максима Максимыча с Печориным, оставившим военную службу и отправляющимся в путешествие в далекую Персию. Об этой встрече мы узнаем из записок кавказского офицера, человека одного круга с Печориным. Этот кавказский офицер подробно описывает наружность Печорина, зарисовывает черты его характера, подмечая в них то, что ускользнуло от внимания простодушного, малообразованного Максима Максимыча.

Таким образом, в первых двух повестях мы узнаем о Печорине от посторонних наблюдателей: армейского капитана Максима Максимыча и проезжего кавказского офицера.

В следующих трех повестях — «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист» — мы узнаем о жизни, мыслях и чувствах Печорина от него самого.

Почему же Лермонтов, дав в романе два прекрасных портрета Печорина, очерченных в рассказах, с одной стороны, старого боевого кавказца, много видевшего в жизни, а с другой — наблюдательного столичного офицера, нашел нужным дать еще третий портрет, нарисованный самим героем, его автопортрет?

Это объясняется самим характером героя романа. У Печорина нет близких друзей, он сдержан и замкнут. Но он живет сложной внутренней жизнью: сердце его обильно чувствами и страстями, разум — глубокими мыслями. Он прячет их от людей, и ни добродушному Максиму Максимычу, ни наблюдательному проезжему офицеру не могут быть доступны сокровенные мысли и затаенные чувства Печорина. Узнать эти мысли и чувства мы можем только от самого героя. Вот почему Лермонтов включает в роман «Журнал Печорина», который тот ведет только для самого себя.

В «Журнале Печорина» повесть «Княжна Мери» — это дневник, куда герой романа вносит все, что пришлось ему пережить и переживать, передумать и перечувствовать за день. Часто на страницах своего дневника этот гордый и замкнутый человек судит свои дела, поступки и чувства, причем иногда гораздо строже, чем на страницах того же дневника он судит поступки других людей.

Повести «Тамань» и «Фаталист» — это отрывки из записок Печорина. Происшествия, о которых он рассказывает в «Тамани» (встреча с контрабандистами) и «Фаталисте» (встреча с офицером Вуличем в казачьей станице), давно им пережиты. На страницах

своих записок Печорин лишь вспоминает об этих происшествиях. Это отрывки из его воспоминаний.

Обычно повести и романы пишутся в одной из двух форм: либо в форме повествования от автора («Мертвые души» Гоголя), либо в форме повествования от лица главного героя («Капитанская дочка» Пушкина). Лермонтов, как видим, строит свой роман иначе. Он дает нам возможность узнать Печорина и из его повествования о себе самом и из рассказов сторонних наблюдателей. Такой способ построения романа позволяет Лермонтову с наибольшей полнотой воссоздать образ своего современника, образ героя своего времени.

*

Почему же Лермонтов называет Печорина героем своего времени, героем своей эпохи, то есть тридцатых годов прошлого столетия?

Возражая тем читателям и критикам, которые или совсем отрицали существование в русской действительности людей, подобных Печорину, или признавали их исключением, случайным явлением, Лермонтов в предисловии к роману решительно утверждает, что Печорин — человек, каких немало встречается в жизни.

«Герой нашего времени, — пишет Лермонтов, — точно, портрет, но не одного человека, это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии».

Это поколение вступило в жизнь тогда, когда Николаем I уже было разгромлено движение декабристов. Разгром декабристского движения изъясил из общества или обрек на бездействие все «благородное и даровитое», по выражению Белинского, и дал силу и власть крепостникам, карьеристам и приспособленцам, «подлецам» и «дюжинным посредственностям», по краткому определению того же Белинского. У власти стояли те

самые «Свободы, Гения и Славы палачи», которых с таким гневом обличил Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта». Литература, искусство, наука, общественная жизнь, даже частный и семейный быт — все находилось под тяжелой опекой самодержавной власти, отдано было под тайный надзор так называемого «III-го отделения собственной его величества канцелярии» (политической полиции).

Создавая образ «героя» этой печальной эпохи, Лермонтов отнесся к нему как судья, готовящийся произнести суровый приговор.

В 1840 году Белинский писал о «Герое нашего времени»: «Это один из тех романов,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом».

Приведя эти стихи из «Евгения Онегина», Белинский указывал, что Печорин — «Онегин нашего времени, *герой нашего времени*...» В этой же статье о «Герое нашего времени» великий критик писал:

«Как в характеристике современного человека, сделанной Пушкиным, выражается весь Онегин, так Печорин весь в этих стихах Лермонтова:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

«Герой нашего времени» — это грустная дума о нашем времени...»

В том же стихотворении «Дума», которое Белинский цитирует в этой статье, Лермонтов укоряет свое поколение, то есть поколение Печорина:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

А в «Герое нашего времени», в записях Печорина, мы находим следующую горькую мысль:

«...мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья...»

Печорин презирает это позорное малодушие своего поколения. У него гордая душа и сильный ум; он хочет не только свободно мыслить и чувствовать, но и свободно действовать и творить.

«... тот, в чьей голове родилось больше идей, — записывает он в своем дневнике, — тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума...»

Печорин сознает, что у него есть силы для действия, и в то же время понимает, что в той общественной среде, в которой он живет, эти силы не найдут себе применения. С горечью вынужден он признаться самому себе, что между его устремлениями и той жизнью, которую он ведет, лежит глубокая пропасть. «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..»

В ночь перед дуэлью с Грушницким, пытаюсь отдать себе отчет во всем пережитом за недолгую, но бурную жизнь, Печорин записывает в своем дневнике:

«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, по-

тому что я чувствую в душе моей силы необъятные ... Но я не угадал этого назначения ...» Честно и прямо выносит Печорин обвинительный приговор своему жизненному бесплодию. «И может быть, я завтра умру!.. — с тоскою пишет он, — и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно ...»

В этой записи как бы повторяется горький вывод, сделанный Лермонтовым в его «Думе» и относящийся ко всему поколению:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

Как и все его поколение, разьедаемый тоскою и сомнениями, Печорин, при всей силе своего характера, при всей одаренности своей натуры, не оставил по себе творческого следа в жизни.

Печорин был «лишним человеком» для Николая I и его крепостнической империи: он был слишком беспокойным человеком, со слишком зорким умом и благородной волей. Но он оказался «лишним» и для тех новых революционных течений, которые зарождались в то время в России, остался в стороне от них.

Свое творческое бесплодие в жизни Печорин готов был рассматривать как свою вину перед нею. Но это была вина всего его поколения. «Жалким» назвал это поколение Белинский. В письме к В. Боткину он писал о Печорине:

«Я не согласен с твоим мнением о надутости и изысканности (местами) Печорина, они разумно необходимы. Герой нашего времени должен быть таков. Его характер — или решительное бездействие, или пустая деятельность. В самой его силе и величии должны проглядывать ходули, натянутость и изысканность. Лермонтов великий поэт: он объективировал современное общество и его представителей».

В душу своего героя Лермонтов вложил немало собственных мыслей и чувств. Но нельзя отождествлять поэта с героем его романа.

Предостерегая читателя от этой грубой ошибки, А. М. Горький писал:

«Печорин был для него (Лермонтова. — С. Д.) слишком узок, следуя правде жизни, поэт не мог наделить своего героя всем, что носил в своей душе, а если б он сделал это — Печорин был бы неправдив. Иначе говоря — Лермонтов был и шире и глубже своего героя».

Печорин не видел в жизни цели, не находил выхода своим «необъятным силам», а Лермонтов нашел выход своим великим силам в гениальном творчестве, в поэзии, которая была для него гражданским подвигом гнева и протеста.

Недаром великого поэта, преемника Пушкина, так ненавидел Николай I.

В июне 1840 года, в то самое время, когда Лермонтов отправлялся во вторую ссылку на Кавказ, Николай I писал своей жене о «Герое нашего времени»:

«Я прочел «Героя» до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это такое же преувеличенное изображение презренных характеров, которое находим в нынешних иностранных романах. Такие романы портят нравы и портят характер... По моему убеждению, эта жалкая книга показывает большую испорченность автора... Счастливого пути, господин Лермонтов; пусть он очистит свою голову, если возможно, в сфере, в которой он найдет людей, чтобы дорисовать до конца характер своего капитана (Максима Максимыча. — С. Д.), — если только предположить, что он вообще в состоянии его схватить и обрисовать».

Этот малоизвестный отзыв Николая I с исключительной ясностью показывает, как относился к Лермонтову палач дека-

бристов, гонитель Пушкина, главный вдохновитель правительственной и общественной реакции эпохи безвременья.

*

События из жизни Печорина разворачиваются в романе не в хронологической последовательности. Ход этих событий примерно таков.

Гвардейского офицера Печорина за какую-то «историю» высылают на Кавказ, где идет затяжная война с горскими племенами. По дороге к месту новой службы он задерживается в Тамани, на Черном море, где происходит случай с контрабандистами (повесть «Тамань»).

После военной экспедиции в горы, в которой Печорин храбро сражался, ему разрешают пользоваться целебными водами в Пятигорске, где он знакомится с княжной Мери Лиговской и встречается с Верой, которую знал и любил раньше (повесть «Княжна Мери»). В Пятигорске у Печорина происходит поединок с Грушницким, кончающийся смертью последнего. За дуэль с Грушницким Печорина отправляют в небольшую крепость в Чечне, на левом фланге Кавказской военной линии (фронта), под начальство Максима Максимыча. Здесь Печорин встречается с Бэлой (повесть «Бэла»). Отлучившись из крепости на две недели в казачью станицу, он становится свидетелем истории с офицером Вуличем (повесть «Фаталист»). После смерти Бэлы Печорин из крепости в Чечне переводится в Грузию, затем возвращается в Петербург; вскоре он выходит в отставку, вновь оказывается на Кавказе и по дороге в Персию встречается с Максимом Максимычем и с проезжим кавказским офицером (повесть «Максим Максимыч»). На возвратном пути из Персии Печорин умирает (предисловие к «Журналу Печорина»).

В течение этих немногих лет Печорину приходится встречаться со многими людьми, принадлежащими к самым разно-

образным слоям русского общества. Светское общество Москвы и Петербурга, так ему надоевшее, Печорин вновь встречается на целебных водах в Пятигорске и Кисловодске. На Кавказе он находит своих товарищей по гвардии, попавших туда, как и он сам, большею частью не по доброй воле. В условиях войны ему приходится близко сойтись с армейскими офицерами (Максим Максимыч, Грушницкий, Вулич). Судьба забрасывает его то в притон черноморских контрабандистов, то в глухую казачью станицу на военной линии, то в маленькую крепостцу в Чечне, где он близко знакомится с горским населением Кавказа (Бэла, Азамат, Казбич, старый князь).

Характер Печорина совершенно несходен с характером других героев романа; благодаря этому резкому несхождению еще отчетливее выступает личность главного героя во всей ее сложности.

Печорин, например, не удовлетворен не только жизнью, но и самим собою: он не находит оправданий бессцельности своего существования. А у юнкера Грушницкого разочарованность в жизни и в людях напускная. Он подражает Печорину, считая, что быть разочарованным во всем — это признак просвещенного человека. Грушницкий драпируется в плащ изгнанника и привлекает этим внимание княжны Мери, принимающей его за офицера, разжалованного в солдаты за политическое выступление или за свободомыслие. «А разве он юнкер? — спрашивает она у Печорина и с разочарованием обрывает фразу: — а я думала...» «Грушницкий, — определяет его Белинский, — «идеальный молодой человек», который щеголяет своей идеальностью, как записные франты щеголяют модным платьем... Вообще «производить эффект» — его страсть. Он говорит вычурными фразами...» Подробно анализируя действия Грушницкого, великий критик отмечает: «Он очень недолюбливает Печорина за то, что тот его понял... Этот человек — апофеоз мелочного самолюбия и слабости характера».

Самолюбие заставляет Грушницкого быть храбрым: ему хочется, чтобы все считали его удальцом, равнодушным к опасностям.

Максиму Максимычу, наоборот, ничто так не претит, как всякие похвалы его мужеству и храбрости. Он долгие годы несет тяжкое бремя военной службы, не ища за это никаких похвал и наград. В Максиме Максимыче Лермонтов изобразил славный тип того русского боевого офицера, который был с Суворовым во всех его походах, сражался в Бородинском бою под предводительством Кутузова, вынес на себе труды и опасности всех войн.

«Это тип чисто русский... — пишет Белинский. — Максим Максимыч получил от природы человеческую душу, человеческое сердце, но эта душа и это сердце отлились в особую форму, которая так и говорит вам о многих годах тяжелой и трудной службы, о кровавых битвах, о затворнической и однообразной жизни в недоступных горных крепостях, где нет других человеческих лиц, кроме подчиненных солдат да заходящих для меня черкесов... Умственный кругозор Максима Максимыча очень ограничен; но причина этой ограниченности не в его натуре, а в его развитии. Для него «жить» значит «служить», и служить на Кавказе... Но... познакомьтесь с ним получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нежное сердце бьется в железной груди этого повидимому очерстневшего человека; вы увидите, как он каким-то инстинктом понимает все человеческое и принимает в нем горячее участие: как, вопреки собственному сознанию, душа его жаждет любви и сочувствия, — и вы от души полюбите простого, доброго, грубого в своих манерах, лаконического в словах Максима Максимыча».

В образе Максима Максимыча реализм Лермонтова достигает той совершенной ясности и простоты, которая заставила Гоголя в связи с гибелью поэта отметить с сожалением, что в нем «готовился будущий великий живописец русского быта».

Так же реально, достоверно и правдиво Лермонтов нарисовал в своем романе образы горцев Кавказа.

И сама Бэла, дочь горского князя, и ее брат Азамат, и ее похититель Казбич не являются вымышленными, романтическими образами. Казбич — это исторически верный образ абрека, вооруженного всадника-горца, мстителя, поклявшегося в вечной вражде к «гяурам» (иноземцам). Юноша Азамат, сын старшего князя, сам стремится стать абреком; быстролетный конь Казбича ему нужен для того, чтобы осуществить эту заветную мечту, и поэтому он ничего не жалеет, чтобы приобрести Карагёза, — ни драгоценной шашки гурда, о которой мечтал в ту пору каждый черкес, ни даже своей сестры, красавицы Бэлы.

Все, что Лермонтов пишет о нравах, обычаях и характере горцев, построено на отличном знании и вдумчивом понимании жизни и быта горских племен Северного Кавказа.

И любовь горской княжны Бэлы к русскому офицеру Печорину — не вымысел поэта, как это может показаться читателю. В основе повести лежит истинное происшествие, случившееся с родственником поэта Е. Е. Хастатовым; конечно, оно опозитизировано в романе, дополнено вымышленными подробностями. Любовь горских девушек к русским офицерам не раз отмечается в записках о войнах на Кавказе.

Лермонтов создал в романе привлекательный образ девушки-горянки, выросшей в суровой, воинственной среде и умеющей любить бескорыстно, преданно и самоотверженно. Чертами высокой человечности отмечено ее чувство любви к Печорину. Бэла — один из светлых женских образов в русской литературе.

Преданность и беззаветная самоотверженность в любви роднят кавказскую горянку Бэлу с русскими женщинами — Верой и княжной Мери.

Вера давно, глубоко и страстно любит Печорина; быть может, из всех, кто его окружает, она одна понимает его до конца,

благодаря своей любви постигает его сложную, противоречивую натуру. Чувство, которым охвачено сердце княжны Мери, — это первая любовь; московская княжна плохо разбирается в действиях Печорина, еще хуже постигает его сложный характер, но она почувствовала в нем человека необычайного и готова вручить ему навсегда свою судьбу, подобно тому как Вера отдала ему всю свою жизнь. Княжна Мери говорит Печорину: «Знайте, что я всем могу пожертвовать для того, кого я люблю...» А между тем она знает, что Печорин — высланный из Петербурга офицер, с дурной репутацией у властей; она готова следовать за ним всюду, куда может бросить его печальная судьба.

*

Среди героев романа, из которых одни преданно любят Печорина (Бэла, Вера, княжна Мери), другие связаны с ним узами простодушной дружбы (Максим Максимыч) или чувством взаимного уважения (доктор Вернер), третьи враждебно относятся к нему (Грушницкий, Казбич, контрабандисты), фигура Печорина вырисовывается с особой яркостью. Всюду остается он одиноким, со своей судьбой лишнего человека.

Одинокость Печорина особенно заметно на величавом фоне той чудесной природы, которой он окружен на Кавказе.

В описаниях природы Кавказа — его гор и предгорий, ущелий и долин — Лермонтов соединил научную достоверность географического ландшафта с необычайной поэтичностью литературного пейзажа. Декабрист А. Розен, служивший солдатом на Кавказе, находил, что изобразить Кавказ лучше всех удалось автору «Героя нашего времени»: «Всего лучше отрывками нарисован Кавказ поэтом Лермонтовым, который волею и неволею несколько раз скитался по различным направлениям чудной страны и чудесной природы».

Описание ночи в Пятигорске («Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара...») может служить образцом поэтического описания природы. Несколько строк — и перед нами полная, всеобъемлющая картина южной ночи. Словам в ней тесно, но живописи и музыке просторно. Первая половина описания построена на зрительных впечатлениях вечера: «...в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало зловещее облачко; месяц подымался на востоке, вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы». На смену зрительным выступают слуховые впечатления: шум ключей, звучный топот коня, скрип арбы, заунывный татарский припев.

С проникновенным реализмом и вместе с тем с тончайшим лиризмом подмечает Лермонтов эту смену впечатлений и создает прекрасную картину и вместе с тем симфонию ночи. Это проза поэта, умеющего вмещать чувство, мысль, образ в емкое, прозрачное, как кристалл, слово, звучащее, как мелодия; но это и проза глубокого реалиста, безошибочного наблюдателя и изобразителя людей и вещей. «Герой нашего времени» — психологический роман, и, даже изображая теплую южную ночь, Лермонтов тут же дает тонкую зарисовку субъективных переживаний Печорина, без которых был бы неполон его образ.

Всё в романе: и описания природы, и картины жизни и быта, построено так, чтобы «история души человеческой» — жизнь и личность Печорина стали ясны и понятны читателю.

*

«Герой нашего времени» как создание искусства — одна из величайших драгоценностей русской литературы. Это произведение всегда было школой творческого мастерства для русских писателей.

Гоголь в 1846 году говорил о «Герое нашего времени»:

«Никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасною и благоуханною прозою».

Отзыв Гоголя полностью разделяли Тургенев, Л. Н. Толстой, Чехов.

В 1909 году в беседе с автором этих строк Л. Н. Толстой назвал «Тамань» Лермонтова лучшим в художественном отношении произведением всей русской литературы.

Чехов с восторгом говорил о «Тамани»: «Вот бы написать такую вещь... тогда бы и умереть можно!»

*

В 1840 году в стихотворении «Журналист, писатель и читатель» Лермонтов вложил в уста «читателя» грустный вопрос:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Лучший ответ на этот тревожный вопрос был дан в «Герое нашего времени». Мысль — могучая, смелая, свободная мысль Лермонтова — обрела в этом романе «язык простой», а страсти нашли «голос благородный», который донес мятежную тоску героя безвременья до слуха грядущих поколений.
